

Наиль Муратов

Качели

Итак, можно ли сойти с ума от разочарования? По-настоящему, без иносказаний. И что делать, если вдруг оказывается, что можно? Причем неважно, в ком разочаровываешься: в конечном счете во всем всегда виноват ты сам.

Бывают моменты, когда одиночество ощущаешь особенно остро. Например, ночью на скамейке возле безлюдной детской площадки, что совсем недалеко от дома Валерии. И пусть встреча с ней срывается не в первый раз – муж, случалось, и прежде неожиданно отменял выезд на рыбалку или на охоту, – но раньше это всегда вызывало досаду. Сегодня – облегчение. Внезапное отрезвление после десяти лет наивной веры в незыблемую правильность происходящего. Любила ли меня Валерия так, как я любил ее? Ответ на этот вопрос наконец-то перестал изводить меня своей неопределенностью, потому что потерял первоначальную значимость. Какая разница, если ты понимаешь, что остыл и что желанная еще вчера женщина сегодня вызывает только раздражение! И все же было нечто, заставлявшее меня нервничать. Любые отношения когда-нибудь подходят к концу, но если за ними скрываются десять потерянных лет, разочарование становится слишком болезненным. Настолько, что начинаешь ощущать, как твоя психика дает сбой, пытаясь убежать от самой себя.

Это ощущение не было абстрактным. Уже несколько минут я слышал на детской площадке голоса, хотя никого не видел. Судя по всему, мама разговаривала с сыном, но так тихо, что мне удавалось разобрать лишь отдельные слова. И вдруг мальчик спросил неожиданно звонко:

– Можно я покатаюсь на качелях?

– Да, мой хороший! – отчетливо ответил женский голос. Его мелодичное звучание не очень-то походило на хрипловатый тембр Валерии, сводивший меня с ума. И как оказалось, отнюдь не в переносном смысле. Интересно, почему я подумал о Валерии, в планы которой заводить детей пока не входило? Но мысль о какой другой женщине могла прийти в мою бедную голову?!

Разумеется, я не чувствовал себя сумасшедшим. Как легко доказать самому себе, что нервное расстройство может привести и не к таким еще фокусам! И когда качели начали сами по себе раскачиваться, у меня не возникло ни малейшего беспокойства. Не возникло даже тогда, когда совсем рядом вновь послышался женский голос:

– Можно я присяду рядом с вами?

Вокруг не было никого, и все же я подвинулся к краю скамейки. Какое странное, совершенно новое ощущение свободы: теряя разум, ты сохраняешь ясность мысли и способность к самоконтролю, но одновременно волен делать все, что заблагорассудится. Даже разговаривать с призраками. Правда, я не испытывал при этом и тени сомнения в том, что галлюцинация долго не продлится. Со мной все в порядке, Валерия, потому что меня больше не трогает твоя удушающая страсть! Тебе больше никогда не удастся делать со мной все что заблагорассудится!

Качели продолжали раскачиваться, но меня это не беспокоило, поскольку и кроны деревьев, обступивших детскую площадку, шевелились от легкого ветра. Голоса, звучавшие в моем сознании, умолкли. Мир вокруг возвращался к своему естественному состоянию, и к такому же состоянию приходил мир внутри меня. Я рассмеялся, и вдруг почувствовал такую едкую горечь, которой никогда не испытывал раньше. Завтра в офисе я вновь увижу Валерию. И послезавтра. И так из месяца в месяц, по пять дней каждую рабочую неделю. Отпустит ли она меня так легко? Или захочет продлить наше с ней перманентное безумие? Мой смешок вышел горьким, и тогда с противоположного края скамейки вновь прозвучал мелодичный голос:

– Простите, с вами все в порядке?

– Да, со мной все в порядке! – хотелось выкрикнуть в ответ. Что может быть более нормальным, чем разговор с химерой, порожденной собственным сознанием! Обыденное занятие для делового человека,

но, к несчастью, только в том случае, если у него серьезные проблемы с головой! И все же я ответил вежливо, хотя и не без иронии:

– Кажется, со мной все не в порядке.

– Если хотите, мы можем поговорить о ваших проблемах, – после некоторой паузы предложил голос.

– Боюсь, вы и есть моя главная проблема! – вздохнул я. Удивительно, но оказывается, что даже если ты теряешь разум, чувство юмора сохраняется.

– О, нет! – встревожился голос. – Не считайте меня навязчивой!

– А как мне следует к вам относиться? – криво усмехнулся я.

– Как к случайному собеседнику. Поверьте, исповедоваться лучше всего незнакомому человеку, с которым никогда больше не увидишься.

Сознание немедленно уцепилось за последние слова, пришедшие с другого края скамейки, а вернее – ниоткуда. Исповедаться, но кому? Если вдуматься, то самому себе, и, похоже, никак иначе эту проблему не решить. И так, нужно высказаться, чтобы не сойти с ума окончательно. И тогда, возможно, я никогда больше тебя не услышу, плод моего воображения, сидящий на скамейке рядом со мной!

Смирившись с ее существованием – голос все-таки был женский! – я рассказал все с самого начала. Как мы познакомились с Валерией, когда она впервые появилась в нашем офисе. Фирму перекупил ее муж, и недолго думая назначил жену управлять новым приобретением, сам до такой мелочи не опустился. Но двадцатитрехлетней женщине нужна была опора в новом для нее деле, и с ее харизмой найти такую опору не составило труда. Сначала мы были просто коллегами, потом любовниками. Меня восхищало в ней все, но более всего – стремительность. Она проявлялась во всем – в принятии решений, в умении находить друзей, в вождении автомобиля и особенно в постели. Тогда мне было двадцать семь, и неумная кинетическая энергия Валерии засосала меня, как щепку, в свою воронку. А затем последовало десять лет рабства, поскольку она никогда не принимала в расчет мои собственные устремления. Со временем стало очевидным, что единственная ее цель – самоутверждение, ради которого можно пожертвовать всем, и в частности, детьми.

– Вам она больше не нравится? – поинтересовался голос.

– Наверное. Трудно смириться с тем, что был всего лишь средством для достижения цели.

– Боюсь, она не отпустит вас так легко, – задумчиво сказал голос.

– Знаю. Но с этим ничего нельзя поделать.

– Ну, как сказать.

Думаю, если б мое наваждение приобрело зримый образ, на губах этой женщины заиграла бы улыбка. И кстати, почему женщина, а не мужчина? Есть ли в этом какая-то логика? Да, безусловно, ведь женщина с приятным голосом вызывает больше доверия, следовательно, ей легче исповедоваться. Тем более если она молодая мать. Как же все-таки просто и эффективно устроено человеческое подсознание – всему можно найти разумное объяснение!

Мы проговорили почти всю ночь. Обо всем на свете, но главным образом обо мне. Чем дольше длится связь, тем стремительнее нужно с ней рвать, иначе она никогда не отпустит тебя полностью. К этой нехитрой мысли мы в конце концов пришли, на ней и остановились. Несколько раз моя незримая собеседница покидала меня, откликаясь на просьбу сына посильнее раскатать качели. Потом я отправился домой, а они остались на детской площадке. Как я надеялся, навсегда.

На следующий день я порвал с Валерией. Наше объяснение оказалось неожиданно легким, возможно, потому, что теперь я был не очень-то ей и нужен. С руководством фирмой она справлялась, а мужского внимания такой эффектной женщине и без меня хватало.

Голоса в моей голове больше не возникали.

Спустя неделю Валерия настояла на том, чтобы встретиться поздним вечером и обсудить ряд, как она сказала, неотложных дел. Рандеву назначила в малоприметном ресторанчике, в который мы с ней иногда захаживали и раньше. Как выяснилось, единственным намеченным ею на этот вечер делом было предложить мне вместе выпить.

– Тебе хорошо, дом в пяти минутах ходьбы! – с улыбкой сказал я. – А мне что с машиной делать?

– Оставишь свой драндулет здесь же на стоянке, – уверенно предложила она. – А переночевать можешь у меня. Муж уехал.

– Нельзя дважды войти в одну реку! – возразил я. – Ничего путного из этого не получится.

– Хорошо, как знаешь! – легко согласилась она.

Внимательный, немного насмешливый взгляд. И такая же легкая насмешливость в голосе:

– Я думала, тебе это нужно больше, чем мне.

Разумеется, за такой фразой могло последовать только одно – монолог уязвленной женщины. Может быть, и не самой уязвленной, но все же... В общем, она не собиралась держать в руководстве фирмы неблагодарных людей, которые были всем ей обязаны. И, кстати, на сегодняшнюю ночь у нее есть прекрасная мне замена. Самое удивительное, что я ждал чего-то такого. Тогда, на детской площадке, мой внутренний голос уверил меня, что именно этим все и кончится. И не ошибся, к сожалению. Оказывается, мое подсознание не так уж плохо разбирается в женской психологии. Жаль, что здравые его рассуждения не доходят до сознания, трясясь где-то по пути.

– Ладно, без работы не останусь! – сказал я Валерии и направился к выходу. Далеко, правда, не уехал, вновь остановился у детской площадки. Качели не раскачивались, голосов слышно не было. С чего бы им звучать, если со мной все в полном порядке! Вернее, почти в полном, поскольку работу я потерял. Но и это не беда: специалисты моего профиля на дороге не валяются. Не пропаду!

– Вы опять здесь? – прозвучал удивленный голос.

– Как и вы! – от неожиданности несколько язвительно выпалил я. – Вот уж не чаял услышать!

Голос обиженно умолк. Несколько минут тишины, нарушаемой лишь шелестом листьев и проезжающих по смежной улице автомобилей. Да был ли вообще голос? Я уже не мог этого утверждать. К счастью или несчастью, но любопытство присуще мужчинам не меньше, чем женщинам. Именно оно заставило меня произнести вслух:

– Не обижайтесь! Просто я не рассчитывал услышать вас снова.

Голос немедленно отозвался:

– А я думала, вы ради этого приехали.

А ведь он был прав, этот мой чертов внутренний репродуктор, – как иначе объяснить, почему я вновь приперся на эту скамейку!

– В прошлый раз у нас был очень откровенный разговор! – продолжил голос. – Честно говоря, я надеялась, что когда-нибудь увижу вас вновь.

«Спасибо, свиделись!» – подумал я. Итак, крыша начинает съезжать снова. А мне-то, наивному, казалось, что все это осталось в прошлом... Тут я сообразил, что голос проговорился.

– Вы сказали «увижу вас вновь». Вы что, меня видите? – быстро спросил я.

– Конечно. Вы сидите... такой одинокий.

– А вот я вас только слышу. Но не вижу.

– Да? – удивился голос. – Почему же вы тогда со мной разговариваете?

Мне понравилось полное отсутствие логики в ее вопросе, и я ответил сердечно:

– Но слышать-то я вас слышу! Потому и разговариваю.

– Да ведь вы беседуете с пустым местом! – с ужасом воскликнул голос.

– Ну, не совсем! – миролюбиво отозвался я. – Может, это и самонадеянно, но я, знаете ли, никогда не относился к себе как к пустому месту.

– То есть вы думаете, что разговариваете с собой? – почему-то эта мысль голос развеселила, и он мелодично рассмеялся. Вернее, она.

– Ну да, а с кем же еще?

– Со мной, – уверенно ответил голос.

– Ну, хорошо, с вами! – согласился я. – А вы, собственно, кто?

– Я – мама Алеши! – без раздумий сообщил голос.

– Замечательно. Только я его что-то сегодня не вижу.

– Но вы же его и в прошлый раз не видели! – уличил меня голос в неточности.

– Да, не видел. Зато слышал. А сегодня – нет.

– Это потому что он приболел и остался дома, – пояснил голос со вздохом. – У него температура из-за горловой инфекции.

– Врача вызывали? – машинально поинтересовался я.

– Зачем? – удивился голос. – Я сама врач.

В общем, моя паранойя становилась все забавнее. Смущало лишь одно: все без исключения сумасшедшие, насколько мне известно, считают себя абсолютно нормальными людьми.

Я же отчетливо сознавал, что схожу с ума, и в силу этого являлся, по-видимому, уникальным случаем в практике отечественной психиатрии. Ослабший мой разум расщепился сразу на несколько личностей, причем одна из них была женщиной, а еще одна – ее сыном. Если покопаться, то найдутся, наверное, и другие – не менее колоритные личины. Но самым невероятным было то, что мое психическое заболевание не угнетало сознание, а наоборот, приводило его в устойчиво приподнятое состояние. По крайней мере беседы с моей женской ипостасью доставляли подлинное наслаждение. А та часть меня, что была мальчиком, нам никогда не мешала. Почти никогда, если быть точным.

– Послушайте, мне до сих пор неизвестно ваше имя! – заметил я. – Не особенно удобно обращаться к даме «мама Алеша».

– Ну... – голос надолго задумался. – Вы можете называть меня Анной.

– Замечательно! – воскликнул я. – Вы что, не знаете собственного имени?

– Вообще-то, я не совсем уверена! – признался голос.

Никогда не думал, что безумие может быть настолько комичным! Я расхохотался:

– И вы еще будете уверять меня, что существуете на самом деле?!

– Разумеется, я существую! – рассердился голос.

– Но при этом не знаете, как вас зовут! Может быть, хоть фамилию вспомните. Или адрес, – потешался я.

– Нет! – твердо сказал голос. – Не вспомню, но на то, поверьте, есть свои причины.

– И самая серьезная из них та, что вы существуете исключительно в моем сознании.

– Думайте как хотите! – обиделся голос. – Не собираюсь с вами по этому поводу пререкаться!

– Мне тоже не хотелось бы! – сделал я попытку к примирению. Какой смысл загонять самого себя в угол!

– Послушайте, если бы я существовала только в вашем сознании, – неожиданно хитро спросил голос, – то откуда у меня взялся бы Алеша?!

Этим он, вернее, она, меня просто сразила наповал. На такую несусветную глупость я даже не стал отвечать, и голос расценил это как победу.

– Ну, теперь вы будете со мной считаться? – торжествующе спросил он.

– Знаете, я и раньше с вами считался! – едко ответил я. – Может, даже больше, чем следовало.

– Вы раздражены, и совершенно напрасно! – голос изменил тактику, изображая участие. – Я же вам не враг.

– Я сам себе враг! – самокритично заметил я. – В таких случаях других врагов уже не надо.

Думаю, моему женскому эго понравилось то, как прозвучали мои слова. Естественно, и реакция его оказалась такой же, как у любой реальной женщины:

– Вы – хороший человек! Только во всем разуверившийся.

– Откуда вам знать, хороший я или плохой! – буркнул я.

– Но мы же с вами столько разговаривали! – воскликнул голос. – И я это сразу почувствовала. Поверьте, я неплохо разбираюсь в людях.

«В отличие от меня!» – подумал я. Но, с другой стороны, Анна тоже часть меня, а в людях разбирается. Неизвестно, правда, насколько ей можно верить. Или, точнее, насколько можно верить самому себе. Хотя если ты сошел с ума, то не должен доверять в первую очередь именно себе. А если не сошел? Тогда не должен слышать никаких потусторонних голосов! Тут я почувствовал, что окончательно запутался. Единственным разумным решением – если только в больной голове может родиться разумное решение! – было продолжать общаться с Анной как с самой обычной женщиной. В результате мы просидели на детской площадке почти до утра и расстались довольные друг другом.

Следующий вечер я провел дома и никаких голосов не услышал: они являлись, похоже, только в определенном месте. Это радовало, поскольку появлялась возможность контролировать собственное безумие. Оказывается, чтобы оставаться нормальным, нужно всего лишь воздерживаться от посещения детской площадки. Не исключено, что такая схема в психиатрии является революционной.

Еще неделю я старался держаться подальше от рокового места, а затем не выдержал, явился. Только-только стемнело, и на детской площадке еще оставались наиболее рьяные машины со своими чадами. Заметив, что я устраиваюсь возле них на скамейке, они почти сразу ретировались домой. С час я просидел

в полном одиночестве, не считая двух котов, попытавшихся устроить разборку прямо возле моей скамьи. Затем они неожиданно бросились врассыпную, и тут же послышался детский голос:

– Мама, дядя опять здесь!

– С вами все в порядке? – взволнованно спросила Анна. – Я так беспокоилась!

Мысль, что кто-то обо мне беспокоится, оказалась настолько приятной, что я даже не опечалился из-за того несомненного факта, что моя паранойя возобновилась. В общем, мы вновь проболтали полночи. Анна засобиралась домой только тогда, когда Алеша сообщил, что устал и хочет спать. Прощаясь, она спросила, буду ли я завтра.

– Почему бы и нет! – не колеблясь, ответил я.

Анна оказалась искренним собеседником. А ее голос, мелодичный, как флейта! Эх, если бы она была реальной женщиной, а не мнимой! Мы разговаривали с ней несколько ночей напролет, и домой я добирался только под утро. Не страшно, торопиться на работу уже не требовалось, можно и днем отоспаться!

Все чаще Анне удавалось ставить меня в тупик, причем настолько естественно, что она и сама этого не замечала. Иногда она употребляла медицинские термины, о которых я не имел никакого представления. На всякий случай я их записывал, а потом сравнивал разъяснения Анны с информацией в Интернете. К моему удивлению, существенных расхождений не было ни разу. Тогда я решился на эксперимент: выписав из медицинской энциклопедии симптомы, рассказал ей историю о заболевшем знакомом, которому якобы не могли поставить правильный диагноз.

– Странно! – сказала Анна. – Тут не может быть двух мнений.

Как вы догадываетесь, болезнь она назвала безошибочно. С тех пор я непроизвольно начал относиться к ней как к самой настоящей женщине. Ну разве только невидимой. Но это почему-то не смущало. Не смущало настолько, что однажды я пригласил ее в гости. Вообще-то, не без задней мысли. Если она была как-то привязана к детской площадке, то должна была отказаться. Но Анна легко согласилась, правда, сначала спросила у Алеши, не против ли он. К счастью, мальчика долго упрашивать не пришлось: думаю, детская площадка с ее песочницей и качелями изрядно ему надоела.

Когда мы подошли к машине – или все-таки подошел только я? – Алеша спросил, можно ли ему сесть на переднее сидение.

– Отчего нет? – весело ответил я. – Все равно гаишники тебя не увидят.

Не раздумывая долго, я открыл переднюю дверцу, и спустя мгновение Алеша поблагодарил меня уже из салона. Задняя дверца открылась сама и тут же захлопнулась: похоже, мои пассажиры заняли свои места. В дороге мы не разговаривали, в лифте тоже. Но когда вошли в квартиру, Анна восхищенно воскликнула:

– Как у вас красиво!

Вообще-то, интерьер прихожей – заслуга Валерии! На мой взгляд, слишком много зеркальных плоскостей, но это дело вкуса. Анне, по крайней мере, понравилось.

– Вы видите себя в зеркале? – поинтересовался я.

– Ну да! – уверенно ответила Анна.

Но я по-прежнему не видел ни ее, ни Алешу. И их отражений тоже. Не знаю, имело ли это какое-то значение, но легкое разочарование все равно возникло. Может, я просто посмотрелся фильмом о привидениях?

Чтобы занять Алешу, пришлось включить компьютер в гостиной. Пока он смотрел мультики, мы с Анной прекрасно провели время на кухне. В одном из подвесных шкафчиков у меня было устроено нечто вроде бара, в котором хранилась бутылка превосходного коньяка, и я разлил его по бокалам.

– Вы хотите меня спить? – со смехом спросила Анна.

– Было бы неплохо! – ответил я. – Но боюсь, это бесполезная затея.

– Да, – согласилась она. – Но приятно уже то, что вы пытаетесь. И, возможно, мне удастся хотя бы почувствовать запах коньяка.

Пить она не могла, но рюмку удержать сумела. Запах спиртного она, похоже, и вправду почувствовала, причем ей этого хватило, чтобы опьянеть. Анна, обычно сдержанная, вдруг оживилась и начала со мной откровенно кокетничать. Не могу сказать, что было неприятно. Один раз мне даже показалось, что у нее заплетается язык. Не знаю, чем бы все это кончилось, но наши возбужденные голоса привлекли внимание Алеши. Мальчик открыл дверь в кухню и поинтересовался у мамы, что ее так рассмешило.

После этого наша беседа перетекла в спокойное русло: мы начали обсуждать проблемы, связанные с воспитанием детей. Говорила в основном Анна, поскольку считала меня в этих вопросах недостаточно компетентным. Так оно, без сомнения, и было, но мне удалось прервать монолог Анны вполне невинным вопросом:

– Разве бесплотные создания могут иметь детей?

– Но я ведь самая обычная женщина! – ответила она. – Неужели вы до сих пор этого не поняли?

– Только я вас по-прежнему не вижу! – заметил я. – Не знаю, насколько это характерно для обычной женщины.

– На самом деле все очень просто... только сложно объяснить, – не очень уверенно сказала Анна.

После некоторых колебаний она все же решилась изложить свою версию происходящего. По ее мнению, они с Алешей являлись мне во сне. Но только не в моем сне, а в собственном. Анна подготовила довольно стройную теорию о телепатических способностях своего сына. Поскольку она много работала и не могла уделять ему достаточного внимания в течение дня, он сумел найти уникальный выход, научившись входить в контакт с ее подсознанием ночью. Именно ночь была их временем, и проводили они ее, как правило, на детской площадке. Алеша любил кататься на качелях, а его мать была счастлива, что находится рядом с сыном.

Пожалуй, теория эта все объясняла. Вернее, почти все. Мне было не совсем ясно, как Алеша ухитрился открыть дверцу машины, а Анна – удержать в воздухе бокал с коньяком, на что она небрежно заметила, что это типичный случай телекинеза. Ладно, допустим. Но оставалась еще одна загадка: по ее словам, они не могли самостоятельно добраться до моей квартиры, только приехать вместе со мной. Эти странности не имели объяснения, но все остальные доводы Анны показались мне убедительными. Теперь оставалось только разыскать ее в реальном воплощении – ничего другого я больше не хотел! Но Анна остудила мой пыл, объяснив, что это практически невозможно.

– Поймите, – с горечью сказала она, – я только часть себя же самой. Причем часть подсознательная. В сущности, я – сон. Реальная Анна – а я вовсе не уверена, что меня так зовут на самом деле! – просыпаясь, ничего не помнит. Вам эта женщина может

и не понравиться. Возможно, я – дурнушка, на которую вы в обычных обстоятельствах и не взглянули бы.

– Вы не можете быть дурнушкой! – перебил ее я. – Но даже если и так, это не имеет значения. Вы мне нравитесь в любом облике! Это так здорово – знать, каков человек внутри!

– Мы с вами ни в чем не можем быть уверены!

Мне показалось, что она сказала это сквозь слезы.

– Кое в чем можем! – возразил я. – Вы – замечательная мать и внутренне самая прекрасная женщина из всех, кто мне знаком. Поверьте, этого достаточно.

Теперь она всхлипнула по-настоящему. Невозможность обнять ее вызвала такое острое раздражение, что я чуть не швырнул свой наполовину пустой бокал в стенку. В общем, прекрасное настроение испарилось, что сразу почувствовала моя чуткая собеседница. И, естественно, засобиралась домой.

К несчастью, они не могли вернуться самостоятельно на детскую площадку, а возвращение по неизвестной мне причине было обязательным условием. Я же, выпив спиртного, не мог сесть за руль. Пришлось вызывать такси.

Машина приехала быстро. В целях конспирации мне пришлось сесть на заднее сидение, предварительно пропустив в салон Алешу и Анну. Путь был неблизкий, и, как часто бывает, когда едешь с детьми, в дороге случился конфуз вполне определенного толка.

– Извините, ради бога! – прошептала Анна. – Алеше нужно выйти. Ну, сами понимаете.

– Хорошо, – прошептал я в ответ. Надеюсь, водитель меня не услышал. Но когда я попросил его остановиться возле сквера, посмотрел косо. Судя по всему, его богатый опыт показывал, что с клиентом не все в порядке. Возможно, так оно и было.

– Простите! – сказала Анна, когда мальчик скрылся в ближайших кустах. Я даже отчетливо увидел место, где разошлись, пропуская его, ветви.

– Да ладно! Разве я сам никогда не был маленьким?

Добравшись до детской площадки, она торопливо со мной попрощалась: возможно, уже пришла пора просыпаться. Алеша вежливо сказал мне: «До свидания!». И еще поблагодарил за мультики. Анна, без сомнения, воспитывала его правильно.

После их ухода я некоторое время не двигался с места. И впервые, думая об Анне, думал и об Алеше. Возможно, будь мы вместе, получилась бы прекрасная семья. К несчастью, от этой мысли веяло такой откровенной безнадежностью, что захотелось окончательно напиться.

Из оцепенения меня вывел оклик водителя такси. Послушно сев в машину, я всю обратную дорогу провел в мысленном диалоге с самим собой. И с Валерией. Именно она отняла у меня будущее.

До дома добрались без приключений. Получив деньги, водитель вздохнул с облегчением: он не сомневался, что имеет дело с ненормальным. И, конечно, был прав: ну кто еще может мечтать о семье, в которой тебя окружают только призраки?

А на следующий день мне улыбнулась удача. Позвонил школьный товарищ и сообщил, что один из его многочисленных бизнес-партнеров проводит реорганизацию в дочерней фирме и ищет подходящего человека в руководство. Предварительно они остановились на моей кандидатуре.

Обсуждать подробности по телефону он отказался, и вечером я примчался к нему домой. Разговор получился не самым простым.

– То, что ты порвал со своей кралей, я уже знаю, – сообщил он. – Давно пора! Но ошиваться каждую ночь возле ее дома – это уже чересчур!

Похоже, меня кто-то засек на детской площадке. И, естественно, разрезвонил всем знакомым. Что ж, мир не без добрых людей! Пришлось выложить все начистоту, но, к сожалению, рассказ получился сбивчивым и неубедительным. Выслушав меня, друг нахмурился.

– Твое назначение на должность будет утверждаться недели через две-три. Есть время со всем разобраться. Давай-ка завтра в обед забреди в мой офис, посоветуемся кое с кем.

Кое-кто оказался психиатром. Из лучших, как гордо сообщил мне друг. Выслушал доктор мою историю внимательно, но делать выводы не стал. Сказал, что недостаточно данных. А возможно, просто не был со мной искренним. Мы расстались, недовольные друг другом, но, прощаясь, он сумел удивить меня, когда посоветовал не отказываться от визитов на детскую площадку. Дескать, иначе мы просто переведем процесс в иную, скрытую форму, и тогда ничего выяснить не удастся. Кто знает, может, этот парень и вправду был лучшим!

Ночью я рассказал Анне о беседе с психиатром, и она здорово встревожилась.

– Тебе ни с кем не нужно этим делиться! – предупредила тихо.

Постепенно она оттаяла, но попросила не соглашаться больше на такие небезопасные беседы. Пришлось пообещать, хотя особой угрозы со стороны психиатра я не видел. Пока мы разговаривали, Алеша катался, как обычно, на качелях. Потом мы вновь отправились ко мне. Отражения гостей в зеркале я не увидел и в этот раз, но расстраиваться не стал. Какая разница! Главное, что Анна и ее сын существуют не только в моем сознании.

Мне пришлось показать Алеше, как включать компьютер, а затем научить нехитрой игре в Тома и Джерри. Мальчик так увлекся, что мы с Анной смогли без помех закрыться на кухне. Была у меня мысль снова спойть гостью, но осуществить эту замечательную идею не удалось – помешал телефонный звонок.

– Не спишь? – поинтересовался друг.

– Не сплю, – ответил я.

– Ты дома?

– Да.

Подумав, он решился на трудный вопрос:

– Не один?

– С гостями, – неохотно признался я.

– Чем они занимаются?

– Мальчик играет в компьютерную игру, а мы с Анной сидим на кухне.

– Отлично! Я хочу на это взглянуть!

Он отключился, но спустя минуту вызвал меня в Скайпе. Теперь мы могли видеть друг друга, что только ухудшало положение. Я попытался убедить его, что мои гости незаметны глазу, но безрезультатно. Он попросил навести камеру на тот угол комнаты, где ничего не подозревавший Алеша продолжал гонять по экрану монитора кота Тома и мышонка Джерри.

– Ну, увидел? – спросил я раздраженно спустя минуту.

– Да. Можешь отключаться, не буду тебе мешать, – друг поспешил оборвать связь. Очевидно, понял, что был излишне назойлив. Вернувшись к Анне, я изобразил ослепительную улыбку, но не думаю, что мне удалось ее обмануть.

Следующим утром они явились ко мне домой вдвоем – друг и психиатр. Оба выглядели хмурыми.

– Вот какое дело! – начал издалека друг. – Похоже, ты серьезно болен. Вчера мы вдвоем заехали на эту злополучную детскую площадку. Из машины не выходили, просто за тобой наблюдали. Ты сидел на скамейке и разговаривал сам с собой.

– С Анной! – поправил я.

– Хорошо, пусть с Анной! – быстро вмешался психиатр. – Мы не спорим. Скажите только, что делал мальчик?

– Катался на качелях.

– Все время? – удивился психиатр.

– Да, все время! Он любит кататься! – мне не удалось подавить раздражение. Итак, за мной следили! Кому после этого верить?

– Мне жаль, – сказал со вздохом мой друг. – Мы просидели там достаточно долго, но качели ни разу не шелохнулись. Ты можешь это объяснить?

– Вы просто не заметили! – упрямо ответил я.

– Хорошо, пусть так, – согласился он. – А что мальчик делал у тебя дома?

– Ты видел сам! – в этот момент я ненавидел их обоих.

– Да, видел. И, к счастью, все записал, – сказал он мягко, словно сожалел о своих словах. Затем протянул мне смартфон. На дисплее был отчетливо виден экран моего ноутбука, где по очереди гонялись друг за другом Том и Джерри. А еще было видно, что за клавиатурой сидел я.

Эти кадры так меня надломили, что я почти без сопротивления позволил этим двоим отвезти меня в частную клинику. И даже подписал какие-то бумаги – согласие на лечение. Позже врач объяснил, что мой случай не такой уж редкий. Причиной временного помешательства – он подчеркнул, что оно временное! – стал мучительный разрыв с любимой девушкой. Мозг, мол, начал искать ей замену и, конечно, нашел. Этой заменой стала некая вымышленная личность по имени Анна – полная противоположность Валерии. Мальчик тоже появился не случайно: мне не хватало нормальных семейных отношений. В общем, никаких парадоксов типа телепатии и телекинеза, поскольку и Анна, и Алеша существовали только в моем воображении.

На неделю меня определили в стационар. Клиника была частная, палата комфортная, время пролетело незаметно. Кололи каждое утро и каждый вечер, от этих инъекций постоянно хотелось спать. Затем стали давать таблетки. Они тоже угнетали, и здоровым я себя не чувствовал. Когда меня выписывали, возвращение в мир нормальных людей даже не казалось освобождением. Собственная квартира встретила меня отчуждено, будто предав Анну, я потерял право здесь находиться. В тот же вечер я отправился на детскую площадку, но безрезультатно: доктор отлично справился со своей задачей. Меня и вправду вылечили, но, к сожалению, не сделали счастливее. Я любил Анну, а она существовала только в моем воображении. Проблема заключалась в том, что другие женщины меня не интересовали.

Еще несколько безрезультатных ночных визитов. Может быть, все дело в препарате, который я продолжал принимать? Но в глубине души я понимал, что никогда больше их не увижу. Ни Анну, ни Алешу! Их просто не существовало.

На работу меня взяли. В сущности, работа была тем единственным, на что хватало сил, потому что больше меня ничего не трогало. Вечерами я сидел у телевизора и просматривал фильмы, но утром не мог вспомнить, о чем они.

Такое полурастительное существование продолжалось вплоть до сегодняшнего утра. Надевая брюки, я умудрился сделать настолько неудачное движение, что защемил нерв. Теперь каждое движение левой ногой причиняет жуткую боль, и поэтому я не смог выйти на работу. Не самая приятная перспектива, потому что нет ничего хуже, чем оставаться наедине с самим собой. Почему я не промолчал тогда?! Почему сознался в своих видениях? Это и было предательством, которое я не мог себе простить. Если ты любишь, то должен беречь свою женщину, даже если ее не существует! Иначе ты обречен на одиночество.

Телефонный звонок. Секретарша сообщила, что сегодня вечером меня осмотрит врач. Лучший невропатолог из тех, кого она знает. Стало немного смешно: у лучшего психиатра я уже побывал, а пользы никакой. И вообще, лучшее – враг хорошего!

Она явилась спустя час – небольшого роста блондинка с умным насмешливым взглядом и решительными манерами. Такие

женщины мне не очень нравятся, поскольку они твердо убеждены, что видят любого мужчину насквозь. С ними невозможно чувствовать себя уверенно. «Лучший врач» всего за пару минут поставила мне диагноз – воспаление седалищного нерва. Потом заявила, что нужно сделать укол.

– Под лопатку? – спросил я.

– Нет, чуть ниже, – ответила она со смешком. – Вы что, боитесь за свой тыл?

– Не знаю, насколько уместно мужчине спускать штаны, когда у него в гостях дама, – заметил я.

– Дама не в гостях, а на работе! – уточнила она. – Так что решайтесь! Или вызывайте другого врача. Мужчину.

– Мне сказали, что вы лучшая! – парировал я. – И в любом случае сам себе я инъекцию не сделаю! Так что колите, правда за вами!

Она достала из сумочки одноразовый шприц и ампулу вольтарена. Еще оттуда выпали ключи от машины и помада.

– У вас есть спирт? – спросила блондинка.

– Только в виде крепких напитков. Водка подойдет?

Они кивнула, сосредоточившись на наборе раствора в шприц. Я попробовал сделать шаг, но так неловко, что ногу вновь пронзила острая боль.

– Стойте уже, я сама принесу! – несколько раздраженно произнесла врач и решительно направилась на кухню. Только я собрался последовать за ней, чтобы показать местоположение бара, как она уже вернулась с початой бутылкой водки. Подобной стремительностью не обладала даже Валерия!

Внезапно я понял, что в действительности произошло. От волнения пришлось сесть в кресло, а это было совсем не просто. Когда я окончательно в нем разместился, врач уже набрала лекарство в шприц. Подойдя ближе, сказала с насмешкой:

– Что же вы тянете? От судьбы все равно не уйдешь!

– Укол подождет! – голос мой стал хриплым, язык пересох. – В баре, кстати, есть еще и коньяк. Не хотите попробовать?

Не знаю, сколько мы смотрели друг другу в глаза, я – с интересом, граничащим с бестактностью, а она – с вызовом! Не исключено, что ей и раньше приходилось попадать в такую ситуацию, и она знала, как из нее выкручиваться, но сейчас это не имело значения. Сейчас вообще ничего не имело значения!

– Даже не думайте! – тихо предупредила она. – Вы – пациент, я – врач! И ничего больше!

– Конечно, – согласился я. – Но мне нужно кое-что выяснить. Нечто очень важное.

– Что именно вы хотите знать? – она прекрасно держала себя в руках, даже голос не повысила, не сомневаясь, что контролирует ситуацию. Мне нужно было с чего-то начинать, и вопрос сам слетел с языка:

– У вас есть сын?

Как и следовало ожидать, ее ответ оказался максимально неопределенным:

– Не думаю, что это представляет для вас интерес.

– Его зовут Алеша?

Она пристально на меня взглянула, но самообладания не потеряла. Сказала задумчиво:

– Похоже, вы основательно подготовились. Наводили справки?

– Конечно, нет! Правда несколько сложнее. И поверьте, нам придется ее выяснить.

– Нет! – твердо сказала она. – Мы сейчас попросаемся, и надеюсь, у вас хватит ума меня не преследовать.

– Задержитесь, прошу вас! – мягко попросил я. – Нам действительно нужно поговорить.

– Это исключено! – ровным голосом сообщила она. – В машине меня ждет сын. Я не могу оставить его там надолго.

– Вы можете привести мальчика сюда. Поверьте, Алеша не откажется!

– Не впутывайте в ваши интриги ребенка! – она разозлилась по-настоящему и потому стала подозрительной. – И откуда вы знаете его имя? Что, следили за нами?

– Нет, не следил, – устало ответил я. – Не имею такой привычки, Анна!

– Меня зовут Алина! – сухо поправила она. – Вы обознались. Похоже, этот спектакль предназначался другой женщине.

– Вряд ли. Просто я знаю вас как Анну.

– Что за бред! – досадливо воскликнула она. – Прощайте, мне пора!

– Вы не решите проблему так просто! – я улыбнулся. – Теперь я знаю, что вы есть на самом деле. Мне даже нет смысла вас удерживать. Так или иначе, но вам доведется все узнать.

– Нет! – быстро сказала она. – И не вздумайте выслеживать нас с Алешей! Я обращусь в полицию.

– Хорошо! – согласился я. – Идите, но сначала ответьте всего на один вопрос. Где вы нашли бутылку с водкой?

– На кухне, – ответила она, не задумываясь. – В одном из подвесных шкафчиков.

– Долго искали? – спросил я не без ехидства.

Алина задумалась. Она была не только умна, но и честна, и поэтому, пусть и неохотно, но все же призналась:

– Ну, хорошо, я нашла сразу. Вы можете это объяснить?

– Есть лишь одно объяснение: на самом деле вы просто знали, где у меня хранятся крепкие напитки.

– Исключается! – в этот раз в ее словах не было уверенности. – Я здесь никогда не была.

– Были, причем вместе с Алешей! И это легко проверить! – заметил я. – Достаточно его сюда привести.

Наверное, моя убежденность произвела впечатление. Внимательный взгляд Алины задержался на моем лице, затем она неожиданно согласилась:

– Хорошо! Я схожу за ним! И покончим с этим.

Думаю, ее замучило любопытство: все-таки она не смогла объяснить себе, почему так уверенно нашла эту злополучную бутылку. И из нескольких дверей без ошибки выбрала ту, что вела на кухню. В общем, спустя пару минут Алина вернулась с мальчиком лет шести. Алеша, выглядевший насупленным, на вопросы мамы упрямо не отвечал. Но зато спросил меня, можно ли ему включить компьютер. Я, понятно, разрешил.

– Дядя – хороший! – убежденно сообщил мальчик, затем уверенно прошел в гостиную, включил на ощупь сначала источник питания, а потом и системный блок. Спустя пару минут он уже гонял Тома и Джерри по экрану, забыв о нашем с Алиной существовании. Некоторое время она внимательно наблюдала за сыном, затем вопросительно на меня взглянула. Я только развел руками: все было очевидно. Мы прошли на кухню. Вернее, она прошла, а я доковылял. Достал бутылку из бара и разлил коньяк по бокалам.

– Я пить не буду! – предупредила Алина.

– И не требуется! – улыбнулся я. – Чтобы опьянеть, раньше вам хватало запаха.

Она подержала бокал в руке, нерешительно поболтала янтарную жидкость и пригубила. Зажмурилась на несколько секунд, потом взглянула на меня. Пожалуй, впервые в ее глазах можно было прочесть неподдельный интерес.

– Определенно мне знаком этот аромат, – сообщила она спокойно. – Это что-то доказывает?

– К сожалению, только косвенно. Но постепенно вы вспомните все. Если, конечно, сумеете правильно настроиться.

– Вы по-прежнему настаиваете, что я здесь была? – теперь она выглядела куда более мягкой, и это шло ей невероятно. Сидящая напротив женщина на глазах преобразалась из стремительной Алины в прекрасную и спокойную Анну.

– Не просто здесь были, – ответил я. – Вы были здесь *счастливы*.

– А Алеша?

– Вы же сами видите. Он привык к этому дому.

– Хорошо, расскажите все с самого начала! – она улыбнулась мне ободряюще, но это была скорее улыбка доктора, предназначенная строптивому пациенту. – Похоже, мне действительно лучше знать все.

Пришлось рассказывать. Слушала она очень внимательно, время от времени задавая наводящие вопросы. А когда повествование подошло к концу, вздохнула и подвела итог:

– Не знаю, что и сказать. Как врач я должна была бы потребовать у вас справку о психическом здоровье, но вам ее никто не даст. Наоборот, вновь упекут в клинику. Зато как женщина я умираю от любопытства. Мне так хочется быть счастливой, что я готова безоговорочно вам верить. Вы – хороший человек, даже если вы сумасшедший. Или особенно если вы сумасшедший. Вы мне нравитесь, чего я не могу сказать ни об одном другом мужчине. Беда только в том, что мне никто не нужен, кроме Алеши. Нам с ним привычно так жить, и изменить это невозможно. Вот почему я не могу вас ничем обнадежить, иначе вам будет трудно перенести разочарование.

Словно нарочно в кухню вошел Алеша. Подошел к маме и устроился у нее на коленях, показывая, что не собирается оставлять нас одних.

– Нам пора! – тихо сказала Алина. – Прощайте!

Когда за ними закрылась дверь, показалось на мгновение, что захлопнулись ворота в другое измерение. Оно жадно поглотило самых дорогих моему сердцу людей, и уже никогда не отпустит их обратно. От этой мысли стало так грустно, что, сделав очередное неловкое движение, я почти не ощутил боли.

Но предаваться скорби долго не получилось: зазвенел дверной звонок. В прихожую влетела запыхавшаяся Алина.

– Послушайте, я так и не сделала вам укол!

– Неважно, – ответил я. – Вы же прекрасно знаете, что я не буду обнажать при вас определенную часть тела.

– Предпочитаете страдать? – поинтересовалась она с иронией.

– Нет, конечно. Завтра утром вызову медсестру.

– Ладно, как знаете! – она вышла на лестничную клетку и спросила уже оттуда: – И вы даже не попросите у меня номер телефона?

– Не говорите глупостей! – крикнул я ей вслед. – Он есть у моей секретарши, следовательно, есть и у меня.

– И правда! – согласилась она. Затем вновь вошла в прихожую и взглянула на меня своим насмешливым взглядом.

– Почему вы вернулись? – спросил я нежно.

– Это все ваша Анна! Она не дала мне уехать! – ответила Алина.

Даже на каблуках она еле доставала мне до подбородка, поэтому ей пришлось встать на цыпочки, чтобы чмокнуть меня в щеку. Исполнив это провокационное действие, Алина сразу же скрылась за дверь. Судя по звонкому смеху, рассыпавшемуся по лестничной клетке, настроение у нее было превосходное. У меня, впрочем, тоже. Похоже, это моя судьба – любить именно таких женщин, ярких и стремительных.

Кто знает, может, я действительно сумасшедший?

